

Независимая газета. — 1992. — 9 июня. — С. 7.

ТАМ, В ВЫШИНЕ, ЕСТЬ ПЛАНЕТА «СВЕТЛАНОВ»

Маэстро мечтает. Большой отвергает

Дмитрий Морозов

Портрет

— **Е**ВГЕНИЙ Федорович, как работаете вы сегодня, среди окружающих нас хаоса и неразберихи?

— Работать стало очень и очень трудно. Никогда еще, пожалуй, не было мне так трудно в дирижерской работе (подчеркиваю: дирижерской, потому что композицией я, к сожалению, в последнее время не занимаюсь). Одна из причин в том, что в Москве совершенно стихийно — я сказал бы «неуправляемо», но это явно уже устаревший термин, — как грибы после обильного дождя, вырастают симфонические оркестры. Я думаю, мы и в этой области побили мировой рекорд, ибо такого количества нет больше нигде. Боюсь называть точную цифру, но, кажется, их уже не меньше двадцати — не считая камерных или каких-то там самодеятельных. Все эти коллективы официально зарегистрированы, получают определенные субсидии от разных спонсоров и для самоутверждения стремятся выступать непременно в Большом зале консерватории, сниматься на телевидении, записываться на пластинки и, конечно же, выезжать за рубеж — может быть, главное, ради чего их создавали. Если раньше гастрольную деятельность как-то направлял Госконцерт, то сейчас все пущено на самотек, и каждый находит свою лазейку. Все это можно понять, и осуждать людей за такое в общем-то естественное желание нельзя, но работать в такой обстановке становится безумно трудно. Да и западные импресарио тоже сейчас в растерянности и нередко совершают промахи — приглашают, к примеру, коллектив, а он себя показывает не лучшим образом. Ведь импресарио — люди зачастую малокомпетентные; им кто-то советует, кто-то что-то подсказывает, и все решается каким-то, понимаете, междоусобицей.

— Феномен, о котором вы говорите, требует, я думаю, специального анализа. В самом деле: откуда берутся все новые и новые оркестры, если к тому же учесть, что музыкантов остается в России все меньше и меньше? Одному лишь Михаилу Плетневу удалось создать действительно первоклассный оркестр — другой вопрос, какой ценой... Но мне кажется, сегодня гастрольную деятельность затрудняет не столько даже конкуренция, сколько сугубо экономические факторы — к примеру, новые билетные тарифы. Вас это тоже коснулось?

— Да, конечно, вопрос этот стоит очень остро и для нашего оркестра. Но все же мы как-то ухитряемся сводить концы с концами. Помогает спонсор — Коммерческий народный банк. Иногда удается договориться с импресарио, и нам оплачивают хотя бы один концерт, а бывают даже и такие счастливые случаи, что оба...

— Со стороны вы всегда производили впечатление человека, у которого все благополучно, этакое баловня судьбы, сумевшего в рамках этой системы полностью себя реализовать и иметь прекрасные отношения с властями предержащими. А как в действительности?

— Я никогда не равнялся ни на каких вождей и вожидом как таковой — явление абсолютно мне чуждое. Я служил музыке. Однако, еще будучи главным дирижером Большого театра, и позднее, когда возникали разные там правительственные концерты по случаю каких-то дат, я не считал возможным и нужным отказываться. Естественно, я стремился, чтобы эти концерты были как можно более интересными и высококачественными с художественной точки зрения, и постоянно боролся с чиновниками против облегченности программ, против такого, я бы сказал, развлекательно-домашнего их характера. Вы сами понимаете, что эта моя борьба очень редко имела успех, но все же... Вот только один пример. Когда отмечалась какая-то там круглая дата Карла Маркса, я предложил исполнить на вечер в Большом театре Траурно-Триумфальную симфонию Берлиоза. И мне удалось это сделать.

Слава Богу, все это ушло в прошлое. Что же касается каких-то особых взаимоотношений... Я не шел, может быть, на конфронтацию, но — об этом мало знаю — у меня тоже были свои трудности. Мне уже здесь, в Большом зале консерватории, иные программы приходилось буквально пробивать.

— Евгений Федорович, мне бы хотелось подробнее остановиться на теме: вы и Большой театр.

Среди художников, чье имя само по себе столь весомо, что ни в каких «довесках» и украшениях не нуждается, Евгению Светланову по праву принадлежит одно из наиболее почетных мест. Удостоенный, кажется, всех существовавших в бывшем СССР званий и премий, он был первым, кто отказался писать их на афише. Зато его собственное имя ныне органично вошло в название возглавляемого им более четверти века оркестра. А совсем недавно оно было присвоено одной из вновь открытых малых планет. Казалось бы, место в истории обеспечено, можно расслабиться и отдохнуть — ан нет. Только за нынешний сезон Евгений Федорович подготовил несколько новых программ, включавших, кстати, целый ряд произведений, прежде у нас не исполнявшихся. Вроде бы уже законченная «Антология русской музыки» в грамзаписи — быть может, главное дело его жизни, тот самый «памятник нерукотворный» — продолжает пополняться все новыми именами и произведениями. Так, буквально в эти дни завершается запись всех двадцати семи симфоний Николая Мясковского, который, по мнению Евгения Федоровича, ничуть не уступает своим младшим современникам Прокофьеву и Шостаковичу...

Евгений Светланов.

Фото Андрея Степанова.

Здесь много неясного, разного рода домослов. Ваши взаимоотношения, как известно, складывались непросто. Вы уходили оттуда совсем и много лет не появлялись за пультом, потом несколько раз возвращались на отдельные постановки, но вот в последние года полтора — после новогоднего «Щелкунчика», если не ошибаюсь, — вы снова исчезли с орбиты Большого. Между тем некоторые из ваших спектаклей еще идут, но, увы, без вашего участия полностью обесмысливаются и разрушаются. «Китеж», к примеру, просто в ужасающем состоянии... Неужели на сей раз разрыв окончателен или есть все-таки надежда еще увидеть вас за дирижерским пультом Большого?

— Ну, если вернуться к истории этого вопроса, то хотел уж здесь отметить, что в 1965 году я был вынужден уйти из Большого театра — не по собственному желанию, как это выглядело в заявлении. Создалась такая обстановка, такая ситуация, что я посчитал для себя невозможным оставаться, хотя и Фурцева, и отдел культуры ЦК ежедневно в течение трех месяцев уговаривали меня не уходить, заверяли, что обеспечат все условия для дальнейшей благоприятной работы. Но такой уж у меня характер, что если группа людей, пусть и не очень многочисленная, открыто выступила против меня — после триумфальных, кстати сказать, гастролей в Милане, — то я уже не мог себе позволить закрыть на это глаза, как делали и делают некоторые мои коллеги, посчитать, что ничего не произошло, и остаться. В том, что так получилось, ничего удивительного нет, потому что театр взвалил на меня всю ответственность подготовки к Милану, в том числе и назначение исполнительских составов — кому, когда и что петь. Вот тут-то и зарыта собака. И художественный руководитель директора по художественной части, и заведующий оперой — словом, все, что только мог, устранились от решения этого вопроса, потому что они-то знали, чем это пахнет, какими последствиями чревато. Ведь если первый спектакль поет Х, то У смертельно обижен. У нас было пригласено по два-три состава, десяток певцов вообще остался за бортом. И вот по возвращении в Москву началось сведение счетов. С кем? Конечно, со мной: кому, как не главному дирижеру, все это расхлебывать и за все отвечать? Какая группа обиженных объединилась и выступила против того, чтобы я оставался на этом посту. Вот так было дело.

— Однако существует и другая точка зрения на те события. Галина Павловна Вишнева, ко-

торую уж никак не отнесешь к числу обиженных, в своей книге обвиняет вас в грубости и самодурстве, утверждает, что вы травили Мелик-Пашаева, что, по ее мнению, и стало одной из причин его ранней смерти. Как бы вы могли это прокомментировать?

— Да, в свое время много было разговоров, что я, дескать, утробил Мелик-Пашаева. А все дело в том, что меня назначили на его место, назначили, под черную, против моей воли. Мелик-Пашаев, как и Голуванов, всегда был моим кумиром, я перед ним преклонялся и не мог себе представить, что буду главным дирижером вместо него. Я ведь шел к Фурцевой, чтобы отказаться, а меня поздравляют: политбюро проголосовало за вашу кандидатуру...

— Но Вишнева пишет, что, став главным, вы передавали спектакли Мелик-Пашаева другим дирижерам...

— Было такое. Когда Александр Шамильевич попал на несколько месяцев в больницу, я пригласил в театр замечательного болгарского дирижера Асема Найденова, к которому временно перешли некоторые из его спектаклей.

Теперь о Галине Павловне. Я прочитал ее книгу. По-моему, это очень хорошая книга, написанная ярким, живым языком. Я узнал из нее много для себя нового о том периоде жизни Большого театра, когда я только туда пришел. Что касается сказанного в мой адрес... Ну это дело совести Галины Павловны. Что ж, если она так считает, пусть считает, хотя мне это, конечно, обидно. Тем более что я всегда очень высоко ценил ее как выдающуюся певицу. У нас, кстати, были прекрасные совместные работы — концертное исполнение «Отелло», запись «Снегурочки»... Специально для нее я оркестровал вокальный цикл Мусоргского «Без солнца», транспонировал на малую терцию вверх, и она его блистательно исполнила. Были и другие работы, причем многое — уже после моего ухода из Большого. И когда вот это все забыто, то мне, конечно, обидно. Но я стараюсь быть выше этого. Для меня она по-прежнему замечательная певица, актриса...

— Что ж, наверное, арбитром между двумя художниками может быть разве лишь Бог... А кстати, позвольте еще один бестактный вопрос: в каких вы отношениях с религией?

— Меня уже спрашивал об этом Урмас Отт в «Телевизионном знакомстве». Спрашивал со свойственной ему прямотой: «Евгений Федорович, вы — верующий?» На что я ответил: да. Со

всеми, как говорится, вытекающими. Я, конечно, прекрасно сознаю, что далек от идеала — особенно в смысле выполнения каких-то обрядов. Но я считаю себя верующим, считаю давно и всегда как-то посылно старался это показать... Вот я вспоминаю, в этом зале (беседа проходила в Большом зале консерватории после репетиции. — Д. М.) было двадцать лет назад большое событие: по просьбе церковного управления наш оркестр участвовал в торжественном концерте по случаю, как сейчас принято говорить, интронизации патриарха Пимена. И потом мы еще не раз играли в таких концертах. Еще с юности, со студенческих лет меня преследовала мечта: продиржировать «Всенощное бдение» Рахманинова. И вот в 1981 году мне наконец удалось это сделать. Вместе с Болгарской хоровой капеллой мы исполнили его в Москве и в Вене, откуда концерт транслировался по Евровидению на восемнадцать стран. В прошлом году, под Пасху, я вновь дирижировал «Всенощное бдение» с капеллой Чернушен-

— С вашего позволения я бы вновь вернулся к Большому театру. Несколько лет назад вам опять предлагали возглавить его, но вы отказались. Что тут сыграло роль?

— Я не отказывался. Давайте внесем ясность в этот очень важный, принципиальный вопрос. Разговор был сначала с министром Захаровым, а затем перешел в кабинет Лигачева на Старую площадь. Лигачев долго и упрямо от имени Горбачева просил меня принять должность главного дирижера. У меня были на этот счет определенные соображения и сомнения, которые я и высказал. Последние слова Лигачева могу привести дословно. Он сказал так: «Ну хорошо, мы с этим вопросом спешить не будем, а вы тоже за это лето подумайте». Вот на этом мы и расстались. Было это 30 июня 1987 года, а уже в сентябре, находясь на гастролях в Стокгольме, я по «Маяку» услышал о том, что на место главного дирижера назначен Александр Лазарев. А ведь к этому времени я, все как следует обдумав и взвесив, готов был дать согласие. Но как видите, им никто даже не заинтересовался — просто взяли и назначили другого. Солидные, серьезные люди — а таким, по моим тогдашним понятиям, должен быть секретарь ЦК и член политбюро — так не поступают...

— Но вы так и не ответили на мой вопрос: увидим ли мы вас еще за пультом Большого театра?

— Это зависит не от меня. Поле «Золотого петушка» главный дирижер не дает мне новых постановок. Я уже несколько лет обращаюсь в дирекцию театра с предложением поставить «Псковитянку» Римского-Корсакова. Эта опера имеет для меня особое, можно сказать, символическое значение: именно с нее началась моя дирижерская деятельность в Большом театре. Я очень люблю это произведение и хотел бы завершить свой творческий путь в стенах Большого театра именно «Псковитянкой». Но, к сожалению, Александр Николаевич Лазарев против. Мотивирует он это тем, что у него — личные планы, простирающиеся на много лет вперед, и он просто не может уступить время для подготовки такой оперы. Но да Бог ему судья...

— Однако, насколько мне известно, вам совсем недавно предлагали делать «Псковитянку» в Мариинском театре. Что этому помешало?

— Действительно, была такая договоренность с главным дирижером Валерием Гергиевым. «Псковитянка» у них в репертуаре, и можно было продиржировать спектакль — кстати, он там идет в декорациях Федорова, как и тогда в Большом театре... Год назад был уже объявлен спектакль, но я заболел, и это не состоялось. Сейчас у них много новых постановок, театр в запорке, так что трудно оказать, когда это сможет теперь произойти. Но в любом случае это все же не то, о чем я мечтаю. Моя мечта, как я уже сказал, — поставить последнюю свою оперу в Большом театре. Единственная надежда — я уж и не знаю даже, на кого надеяться, кроме как на Бога, — это то, что в 1994 году грядет огромный юбилей: 150 лет со дня рождения Римского-Корсакова. Еще не поздно исправить ошибку. И я, пользуясь таким случаем, обращаюсь через прессу к руководству Большого театра и вновь прошу понять меня и дать мне такую возможность. Тем более что эта постановка была бы целиком в русле той репертуарной политики, которую проводит сам Лазарев, считаящий, что в Большом театре должны идти чуть ли не все оперы Римского-Корсакова. В этом мы с ним сходимся полностью.